

Полный отчаяния и безнадежности крик разбудил Шубенкова. Кричали где-то над самым ухом. Кричал мужчина. От этого истощенного вопля резко свело нервы в брюшной полости: Шубенков сложился, как пружина сжался, обняв колени. Нет, в спальне никого не было, кроме, разумеется, самого Шубенкова. Он сходил на кухню, выпил холодного сока из холодильника, на всякий случай заглянул в две другие комнаты. В квартире он был один.

Крик во сне (тем более собственный) Шубенков исключил сразу же. С детства ему не снились сны, а только «глухонемые» черно-белые заставки, заполненные в лучшем случае хаотично перемещающимися геометрическими фигурами.

Жаловаться на нервы тридцатилетнему коммерсанту не приходилось. Похоже, сердце его вообще не знало адреналина и работало как метроном во всех ситуациях – 62 удара в минуту. Только на тренировках Шубенкову удавалось чуть-чуть «раскочегарить» свой ленивый «мотор», но больше 90 при любой нагрузке он выжать из него не мог. А по утрам сердце могло задремать до сорока.

Целятся в него из пистолета, идет большой куш в руки или ласкает Шубенков очередную женщину – 62, и точка. Вот и сейчас сердце никак не реагировало на этот крик, хладнокровие и чисто механический инстинкт самосохранения! Только дурацких мыслей в голове добавилось. А с утра уйма дел по приему товара, да еще – наехать на должников, опять же придется делать это самому, бригада сачкует в Сочи...

Да и был ли этот крик?

Шубенков купил новую трехкомнатную квартиру в престижном районе месяц назад. В три дня отремонтировал ее (слишком была похожа на берлогу совслужащего), набил ее аппаратурой и мебелью и даже умудрился выкупить гаражик под самыми окнами у инвалида Великой Отечественной. За то, что тот разрешил Шубенкову выбросить на свалку его дряхлый «Запорожец» и обеспечил необходимое прикрытие перед всякими там районными администрациями, «Форд» и личный водитель Шубенкова всегда были в распоряжении старика, плюс ежемесячная добавка к пенсии в двести баксов и сотовый телефон. Шубенков гордился своей заботой и справедливостью, а дед был просто доволен и рассказывал за домино другим старикам, какой у него «партнер». Мол, не все коммерсанты – бессовестные хапуги.

Шубенкову нравилось быть честным, точным, принципиальным и чуточку тщеславным, но если подобных качеств не наблюдалось у тех, с кем ему приходилось работать, он мог становиться неуправляемо жестоким. Он и на дух не принимал форс-мажорных обстоятельств, подстав и прочей чепухи, потому что был уверен: если ты деловой человек, у тебя все должно работать как часы. Как сердце Шубенкова. Во всех обстоятельствах.

Рэкетеры? Какие, на хрен, могут быть рэкетеры, если у тебя есть мозги и деньги. Будь рэкетиром сам, и на тебя никто никогда не наедет, разве что РУОП или в буквальном смысле случайный автомобиль.

Заказные убийства? Тут еще проще: чувствуешь, что с тебя стягивают одеяло, а ты не хочешь делиться – стреляй первым, а чужое одеяло надо за-

бирать по закону, как учил незабвенный Остап Ибрагимович, чтобы не стать первым в длинной очереди обвиняемых по какому-нибудь мокрому делу.

И все же ночной вопль дал о себе знать: первый раз за три года Шубенков рывкнул не по делу на своих менеджеров и продавщиц, а потом совсем не по-шубенковски вдруг помиловал должников, дал отсрочку. Сердце? А что сердце? 62.

На ночь он включил себе голливудскую стряпню с беспрестанной стрельбой, любовными стонами и пошлыми шутками. Отведав на досуге вагон этой хвальной продукции, Шубенков тосковал по старому русскому кино. Советскому, между прочим. Он скрупулезно покупал их прямо на «Мосфильме», но по-джентльменски оставил все семьдесят четыре видеокассеты у Ольги, с коей прожил последние полгода. Да и теперь уже надо было переходить на формат DVD, покупать фильмы заново.

Его холодное, потребительское, даже можно сказать механическое отношение к женщинам компенсировалось шикарной обстановкой их квартир, ежедневными ужинами в ресторанах, дорогими подарками, а главное – подчеркнутой галантностью. Она-то и была решающей в завоевании если не сердца, то сознания и тела выбранной Шубенковым очередной спутницы на какое-то время жизни. И если Шубенков уходил, то уходил в чем уходил и ничего более. Это был принцип № 1. Принцип № 2: никогда не приглашать женщину в свой дом, чтобы не прижилась. Принцип № 3: никогда не возвращаться к тем, с кем уже расстался. Он предпочитал покупать квартиры своим дамам. Накладно? Зато спокойно.

В эту ночь уснул Шубенков, не раздеваясь, в спортивном костюме. На тумбочке – ополовиненная бутылка коньяка, что являлось превышением допустимой ежедневной нормы в два с половиной раза, под головой – недочитанный «Коммерсант».

Крик раздался в то же самое время, что и прошлой ночью. Шубенков имел привычку смотреть на часы всякий раз, когда просыпался. Вот и сейчас он сидел на кровати и тупо смотрел на светящийся в темноте электронный таймер. Включил настольную лампу и машинально налил рюмку коньяка, но пить не стал. Не хватало еще глушить минутную слабость алкоголем. Нет, он ничего не испугался, даже не пошел проверять другие комнаты, но все же чувствовал себя несколько неуютно.

Он твердо решил запустить завтра в квартиру ребят из службы безопасности. Может быть, здесь есть что поискать. По крайней мере бравые бывшие чекисты толк в этом знают. К врачам, а тем более психиатрам, Шубенков относился как к волчьей яме: попал один раз на прием или, не дай Бог, в больницу – станешь постоянным клиентом, не выберешься. А уж к собственным мозгам Шубенков не подпускал никого, даже мать.

Недолго думая он набрал номер начальника охраны и после разговора с ним спал спокойным глубоким сном, не обращая внимания на маячившие перед глазами геометрические фигуры. Утром, уехав в офис, он доверил свою квартиру ребятам из охраны. И был день как день.

– Каждую пылинку проверили, Станислав Анатольевич, – успокоил доложил вечером бывший майор КГБ Кречетов, – пусто. Нет ничего.

Шубенкову показалось, что начальник службы безопасности взглянул на него с каким-то сомнением.

– Это все? – сухо спросил он.

– Есть у меня одна мысль. Хочу проверить завтра.

– Делайте.

Будильник разбудил Шубенкова посреди ночи, за полчаса до отмеченного им времени. Он умылся холодной водой, включил везде свет и уселся

на кровать, раскрыв журнал. Оставаясь абсолютного спокойным, он даже не следил за часами. И все же крик заставил его вздрогнуть всем телом, в исступленной злобе отшвырнуть журнал и грязно выругаться. Кричали в его комнате. Словно кто-то невидимый приходил каждую ночь к его кровати и ровно в два двадцать семь вопил, будто его режут. Шубенкову захотелось перекреститься. Так, на всякий случай. Вместо этого он достал из сейфа пистолет, сунул его под подушку и, выключив свет, улегся спать. Он знал, в эту ночь крик больше не повторится. Перекреститься? Мистика? Бред! «Иже еси на небеси, а мы тут сами по себи», – кощунственно подумал он и преспокойно заснул.

Утром в подъезде он встретил Кречетова, которого не вызывал. Тот о чем-то оживленно разговаривал с соседями по площадке: пенсионеркой союзного масштаба и женой врача кремлевской больницы.

– Работаем, – доложил Кречетов.

Шубенков кивнул и направился к лифту.

И был день как день: счета, болтливые рекламные агенты, презентация нового магазина у партнеров, неурядицы в банке, покупка двух новеньких грузовых «Рено» для вывоза товаров из Европы, быстрая любовь с безотказной секретаршей Юлей, которую именно за эту быстроту и «позиционную» сообразительность Шубенков называл не иначе как Юлой, еще какие-то мелочи, коим в каждом дне и у каждого несть числа.

В своей квартире Шубенков обнаружил Кречетова и сразу понял: служака накопил какую-то важную информацию. Оба они лишние слов не любили, поэтому Кречетов рванул с места и в карьер:

– Станислав Анатольевич, в вашей квартире полтора месяца назад был убит человек. Между двумя и тремя часами ночи. Ближе к половине третьего. Это был бывший хозяин квартиры и бывший сотрудник аппарата ЦэКа. В последнее время он влачил жалкое существование, поговаривали, что стал запойным алкоголиком, в то же время ударился в мистику, наделал долгов...

– И?

– У кого вы купили эту квартиру?

– Ты же знаешь, у братьев Каюмовых. Документы в порядке. Юристы не раз проверяли, – Шубенков на секунду задумался: – Так ты хочешь сказать, что Каюмовы...

– Я предполагаю. Но главное не в этом. Главное в том, что крик этот слышали ваши соседи, но слышали только один раз... В ночь убийства.

– А теперь на что ты намекаешь?

– Намекать не моя работа. Я же хочу провести эксперимент.

– Следственный? – ухмыльнулся Шубенков.

– Как вам будет угодно, – и Кречетов достал из кармана диктофон. Шубенков сразу уловил его мысль.

– Не надо, – отмахнулся он, – я запрограммирую таймер на своем музыкальном центре, он включится на запись в нужное время. Это все?

– Пока все.

Ночью Шубенков просто перевернулся на другой бок, когда комната его огласилась душераздирающим воплем. Перед погружением в очередную порцию сна он вдруг подумал, что организованный и волевой человек ко всему может привыкнуть. Даже к воплю в самое ухо, если он не затрагивает его достоинства и чести. Хотя с Каюмовыми все же следует разобраться.

Утром, когда позвонил Кречетов, он делал гимнастику.

– Вы уже проверяли запись?

– Нет! – Шубенков был недоволен, что его сбивают с привычного утреннего ритма, и нехотя направился, не выключая мобильный телефон, к музыкальному центру. Почему-то он был уверен, что на магнитной ленте чувствительная аппаратура записала только скрип его дивана, когда он перевернулся с боку на бок, или, может быть, богатырский храп.

Но то, что он услышал, первый раз в жизни сначала остановило его сердце, а потом заставило биться так учащенно, что впору было пожалеть о принципиально отсутствовавшей в этом доме аптечке. Это был голос отца. Голос отца, умершего восемь лет назад.

Голос человека, которому Шубенков был обязан спартанским воспитанием, что казалось ему столь бесценным в этой суетливой, полной ненужных страданий и эмоций жизни. Это был голос человека, у которого Шубенков научился гореть на работе, с той лишь разницей, что отец упорно, отдавая всего себя, строил социализм, пытаясь внести четкость и организованность в агонизирующую эпоху всеобщей безалаберности, а Шубенков-младший стал лучшим представителем рыночной экономики в эпоху всеобщего разбазаривания и хаоса. И тот и другой горели на работе, считая все остальное в жизни второстепенным и маловажным. «Никакой лирики!» – когда-то говорил отец. Он никогда не жаловался на здоровье и расстался с жизнью, не заметив этого. На боевом посту. Сердце остановилось во время очередного из бесконечных производственных совещаний. И мать, воспитанная им как жена «советского спартамца», даже гордилась, что муж умер как бы «при исполнении»...

– Сынок, – услышал Шубенков-младший, – я прожил земную жизнь, но так и не понял главного... Но более всего душа моя тоскует о том, что этого не узнаешь ты... – дальше только сдавленные рыдания, удаляющиеся всхлипы, словно отец уходит вглубь какого-то невидимого бесконечного коридора.

Выронив телефонную трубку, в которой так же изумленно молчал Кречетов, Шубенков еще долго стоял и слушал шипение чистой магнитной ленты. В жизни его отец никогда не плакал. Шубенков стоял и слышал внутри себя душераздирающий крик. Он гулко отдается в пустых коридорах души, грозovým раскатом ударяет в голову. От этого ли начинают слезиться глаза?

Потом он как попало оделся и вышел на улицу. Сначала пошел к Ольге, но через пару кварталов передумал и пошел к матери, вдруг остановился на полпути, замер, прислушиваясь к себе. У него было новое ощущение сердца: оно билось тревожно и радостно, и главное – больно. Именно больно. Чуть давило, чуть саднило... Шубенков впервые узнал, что оно есть.

И неожиданно для себя он пошел на звон колоколов. В церкви Иоанна Предтечи звонили к заутрене.

И был день как день: редкие облака дремали в теплом сентябрьском небе; в строго установленном Творцом порядке, а для стороннего наблюдателя беспорядочно сыпались под ноги желтые и красные листья; один такой – совсем маленький и единственный лист никак не хотел расставаться с веткой крошечной липы, невесть как пробившейся этим летом сквозь асфальт; молодая мать нежно и задумчиво, как и тысячу лет назад, убаюкивала младенца на скамье у подъезда; голубь слетел на землю, чтобы напиться из прозрачной лужи; шум города сливался с шелестом цветастого платья осени; и мгновение остановилось, вобрав в себя все лики, все звуки и запахи вселенной, а мгновение спустя и само мгновение стало вечностью.